

ОТЗЫВ

на диссертацию Романа Алексеевича Мимохода
«Культуры и культурогенез на востоке посткатакомбного мира»,
представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук
по специальности 5.6.3. Археология

Диссертационное сочинение Романа Алексеевича Мимохода посвящено характеристике блока культурных образований финала среднего бронзового века (СБВ) Предкавказья и Доно-Волго-Уральского региона, образующих восточный фланг посткатакомбного мира. Отличительной особенностью представленной работы является то обстоятельство, что всесторонний анализ источников позволил автору в значительной степени решить амбициозную исследовательскую задачу разработки оригинальной концепции культурогенеза, главное место в которой занимает обсуждение проблем миграций и природно-климатических флуктуаций, обусловивших культурные трансформации на заключительном этапе СБВ и рубеже эпох средней и поздней бронзы.

Актуальность выбранной темы не вызывает сомнений, потому что впервые подвергнут систематическому анализу внушительный массив погребальных памятников финала СБВ (порядка 1500 погребений), непосредственно предшествующих самым ранним комплексам позднего бронзового века (ПБВ) юга Восточной Европы и Урало-Казахстанского региона (ранний Покровск, Потаповка, Синташта). Выделенный автором горизонт посткатакомбных культурных образований логично и убедительно заполняет существовавшую долгое время в отечественной археологии культурно-хронологическую лауну между позднекатакомбными древностями и памятниками начальной поры ПБВ.

Исследование Р. А. Мимохода в определенной мере является революционным, поскольку позволяет вывести на новый качественный уровень решение проблемы реконструкции механизмов культурных трансформаций в переходный период, являет собой первую систематическую попытку разработки целостной концепции культурогенеза эпохи поздней бронзы, определения исходных субстратных и суперстратных составляющих

Волго-Уральского очага культурогенеза и формирования блока культур начальной фазы ПБВ, получивших ранее лаконичную характеристику в работах В. С. Бочкарева. Новаторский характер представленной диссертации оттеняется тем обстоятельством, что в рамках проведенного исследования автором были впервые выделены волго-донская бабинская и невинномысская культуры, волго-уральская культурная группа, разработаны их периодизация и хронология. В совокупности с материалами лолинской культуры, выделенной Р. А. Мимоходом и получившей всестороннюю характеристику в его кандидатской диссертации, опубликованной по ее сюжетам монографии (2013 г.), они образуют восточный фланг блока посткатакомбных культурных образований. В рамках посткатакомбного мира культурные круги Бабино (на западе) и Лола (на востоке) отражают сложную систему взаимосвязей степных, кавказских и европейских культур, что убедительно показал автор в диссертационной работе.

Работа отличается солидным объемом (1106 страниц) и состоит из трех томов. В первых двух томах (337 и 305 страниц, соответственно) сосредоточены текстовые материалы, рубрикация которых включает введение, семь основных глав и пространное заключение. В третьем томе представлены шесть приложений, относящихся к шести первым главам диссертации. Приложения включают таблицы, содержащие сведения о накоплении источниковой базы, квалифицированные палеоантропологические и археозоологические определения, результаты геохимических анализов металлических изделий, представительную серию радиоуглеродных дат. В этом же томе представлены списки сокращений, использованной литературы и архивных источников (отчетных материалов), а также многочисленные графики, карты и иллюстрации, общим числом 246.

На самом общем уровне работа производит благоприятное впечатление. Она написана живым образным языком, сохраняя в целом академический стиль изложения. Р. А. Мимоход демонстрирует незаурядную научную эрудицию, великолепное владение научным дискурсом по заявленным проблемам. Впечатляют масштабы архивно-библиографических

изысканий автора. Только библиографический список включает в себя 1951 позицию, а перечень научных отчетов о полевых исследованиях, изученных диссертантом и использованных им для пополнения корпуса источников, состоит из 257 наименований. Диссертация отличается строгой, логично организованной сбалансированной структурой, что дало автору возможность отразить ход исследования, создать стройную систему аргументации. Корректно обоснованы актуальность, хронологические и территориальные рамки, методологические подходы и методы исследования, дана характеристика источников. Нужно отметить четкость в постановке цели, определении объекта и предмета исследования, формулировки задач. Автор в работе с различными массивами данных умело применяет соответствующие исследовательские процедуры. Получение корректных результатов обеспечивалось применением универсальных логических научных методов.

В целом методологические подходы, реализованные в диссертации, определяют «классический» характер проведенного исследования за счет использования преимущественно традиционных для археологической науки типологического, сравнительно-стратиграфического, картографического, корреляционного, комбинаторно-статистического, историко-сравнительного методов. Показательно, что именно указанные исследовательские подходы позволили автору выделить целый калейдоскоп культур финала СБВ, что в наше время казалось уже почти невозможным. Тем самым Р. А. Мимоходу в нынешних условиях безраздельного господства естественнонаучных методов в археологии удалось осуществить своеобразный «ренессанс» традиционных археологических методов исследования, реализовать и актуализировать их потенциал, что позволяет выйти на уровень широких обобщений и историко-культурных реконструкций.

Между тем, хотелось бы подчеркнуть привлечение диссертантом результатов палеоантропологических и археозоологических определений, изучения химического состава металлических изделий, трасологического анализа предметов из кости и рога, реализацию масштабной программы радиоуглеродного датирования. Это позволило выработать эффективную

комплексную методiku на стыке естественнонаучных и гуманитарных дисциплин, способствовавшую определению критериев для внесения тонких хронологических градаций, обеспечивающих создание оригинальной и в целом непротиворечивой периодизационной схемы развития посткатакомбных культурных образований Предкавказья, Нижнего Поволжья, Волго-Донского междуречья и Волго-Уралья. Отдельно следует указать на эффективность использования данных палеопочвоведения и палеоклиматологии в процессе изучения влияния природно-климатических флюктуаций на миграционную активность населения и как следствие на процессы культуругенеза.

Из общего логического ряда структурных элементов вводной части работы несколько выпадает тот факт, что автор неосознанно либо преднамеренно не стал включать в качестве структурного элемента положения, выносимые на защиту, что обычно принято делать в квалификационных работах. Но это не отразилось на качестве представленной диссертации, далеко выходящей по степени охвата источников и масштабности решенных исследовательских задач далеко за рамки стандартной квалификационной работы. Напротив, перед нами практически готовое к публикации монографическое сочинение, а в книге такого рода дидактические единицы попросту неуместны.

Следует отметить, что отдельные сюжеты и принципиальные положения представленной к защите диссертации достаточно хорошо известны специалистам, поскольку Р. А. Мимоходом опубликовано беспрецедентное количество работ по теме исследования (100!) в нашей стране и за ее пределами, причем 7 из них – это монографии (4) или главы в коллективных монографиях (3), а 24 статьи вышли в ведущих научных рецензируемых журналах с высокими рейтингами, индексируемых в международных научных базах. Особенно важно, что наиболее дискуссионные проблемы выносились в качестве докладов на 33 научных форумах различного статуса, открытых заседаниях отдела бронзового века ИА РАН, в том числе в онлайн формате, где была проведена их качественная

апробация и широкое обсуждение, а также подведены промежуточные итоги исследования. Убежден, что, если бы не избыточная жесткость, а попросту недостижимость выполнения формальных требований ВАК, искомую степень доктора наук диссертанту можно вполне было бы присудить по совокупности работ в виде доклада.

Что касается содержательной части работы, то обращает на себя внимание отсутствие в диссертации самостоятельного раздела, посвященного физико-географической характеристике территории. Учитывая грандиозный территориальный охват, такой обзор был бы уместным, так как ареалы рассматриваемых культурных образований охватывали различные ландшафтные зоны, что неизбежно отражалось на выборе адаптационных стратегий и влияло на механизмы процессов культурирования. В определенной мере это компенсировалось включением соответствующих параграфов в главы, посвященные характеристике культурных образований посткатакомбного времени (гл. 2-5), а также отдельными сюжетами, связанным с палеоклиматическими реконструкциями (гл. 7, § 3).

Несомненным достоинством работы является то обстоятельство, что аналитическая часть диссертации предваряется отдельной главой, посвященной истории исследования памятников, составляющих источниковую базу, а также знакомит читателя с перипетиями выделения посткатакомбных культурных образований в Предкавказье (§1), Нижнем Поволжье и Волго-Уралье (§2), содержащей и подробный историографический обзор основной проблематики, затрагиваемой в работе. Здесь уместно заметить, что большинство вошедших в реестр погребальных комплексов, исследованных в разные годы на указанных территориях, в работах исследователей интерпретировались по-разному. Их культурно-хронологическая позиция в силу особенностей погребального обряда и практически тотальной безынвентарности варьировала в широком диапазоне от позднекатакомбных до срубных, причем неизменно отмечался некий «синкретизм» этих комплексов.

Безусловно, личной заслугой Романа Алексеевича является выделение целой свиты посткатакомбных культурных образований, обоснование их обособленного культурного статуса и разработка внутренней периодизации лолинской, невинномысской, волго-донской бабинской культур, волго-уральской культурной группы. Важно отметить, что автор проделал колоссальный объем работы по выявлению, систематизации и переосмыслению разрозненных материалов, рассредоточенных по многочисленным публикациям и отчетам.

Результатом этой кропотливой работы стало создание солидной источниковой базы, включающей материалы более 400 могильников, содержащих 948 погребений (с привлечением сопоставительных материалов порядка 1500), часть из которых является результатом полевых исследований самого автора. Таким образом, была сформирована вполне репрезентативная выборка, удовлетворяющая требованиям математической статистики. Между тем, приходится констатировать, что именно статистико-комбинаторные методы, обычно демонстрирующие высокую эффективность при работе с большими массивами формализованных данных, играют в обсуждаемой диссертации второстепенную роль. Но это обусловлено объективными причинами, связанными со спецификой источников, особенно малочисленностью погребального инвентаря.

Главы со второй по пятую посвящены, соответственно, характеристике выделенных Р. А. Мимоходом волго-донской бабинской, лолинской, невинномысской культур, волго-уральской культурной группы. Эти разделы диссертации в значительной степени определяют новаторский характер проведенного исследования. Нужно отметить рациональность, наглядность и методическую выветренность, но особенно вполне оправданную в данном случае унифицированность структурных элементов (рубрикации) указанных глав. Они включают в себя параграфы, посвященные характеристике территории, погребального обряда, погребального инвентаря, а также периодизации и хронологии. В ряде случаев автором эти структурные компоненты дополнены параграфами о локальных вариантах

невинномысской культуры (гл. 4, §4), погребениям днепро-донской бабинской культуры в ареале волго-донской бабинской культуры (гл. 2, §5).

Нелишним будет повторить, что в обсуждаемых разделах диссертационного сочинения автор продемонстрировал эффективность сугубо археологических методов исследования для систематизации источников, достаточно аргументированно обосновав обособленный культурный статус каждого из перечисленных посткатакомбных образований, а также определения хронологической позиции и создания дробной периодизации. Представляется, что в целом автору удалось это сделать в каждом конкретном случае на высоком источниковедческом и методическом уровне. Тем не менее, позволю себе высказать некоторые самые общие соображения по поводу обсуждаемых разделов диссертации в совокупности.

Конечно, Р. А. Мимоходу удалось глубоко погрузиться в рассматриваемую проблематику. Он великолепно владеет материалом, виртуозно использует мельчайшие детали анализируемых комплексов для их культурно-хронологической дифференциации, определения линий синхронизации и пр. Но то, что для диссертанта является очевидным, для значительной части даже узких специалистов вряд ли представляется таковым. И дело тут отнюдь не в квалификации исследователей или тенденциозности их представлений. Более того, даже, оставив за рамками обсуждения саму проблему выделения археологических культур в переходные периоды дезинтеграции историко-культурных образований на рубежах эпох, налицо явная специфичность имеющихся в нашем распоряжении источников.

Во-первых, это отсутствие поселенческих памятников в сформированном автором реестре. Поселенческие структуры, содержащие материалы посткатакомбного облика в смешанных коллекциях немногочисленны, известны не повсеместно и, вероятно, вряд могут стать серьезным подспорьем для разработки, например, вопросов периодизации и хронологии, однако важны для представления более полной характеристики

культур, но особенно при обсуждении вопросов реконструкции хозяйственно-культурных моделей, миграций и локальной мобильности населения, которым отводится в диссертации немалая роль. Видимо, это незначительное замечание можно было снять посредством подзаголовка в названии: «По материалам погребальных памятников»).

Во-вторых, и это главное, особенностью погребального обряда практически всех культурных образований восточного фланга посткатакомбного мира является их преимущественно безынварный характер. Нам же более привычно наблюдать своего рода «керамические культуры», имеющие портретное отображение именно в этой категории материального комплекса. В то же время, например, металлические изделия зачастую характерны для крупных историко-металлургических таксонов, таких как зоны металлопроизводства, объединявших родственные очаги металлургии и металлообработки и соответствующих уже блокам культур.

На этом фоне показательно, что даже в сводных таблицах, где Р. А. Мимоход попытался отобразить максимально полно керамические серии выделенных им посткатакомбных культурных образований, фигурирует незначительное количество глиняных сосудов, а волго-уральская культурная группа представлена вообще одним (!) экземпляром (илл. 183). Наиболее представительными являются коллекции лолинской (илл. 72-75, 95) и невинномысской (илл. 117-119) культур, но и здесь значительную часть составляет инокультурная посуда. То же самое можно сказать об изделиях из металла, кости, камня, фаянса и др.

Конечно, из этого не следует делать вывод, что нам нужно отказаться от попыток выделения культур в условиях крайней ограниченности погребального инвентаря. Иначе мы бы не знали, например, ямную культуру раннего бронзового века, где инвентарь тоже присутствует лишь в незначительной части захоронений, а поселения исчисляются единицами, да и то в ограниченных локациях! Напротив, мне хотелось бы подчеркнуть сложность стоявших перед автором рецензируемой диссертации задач.

И все-таки Роману Алексеевичу удалось в этих непростых условиях «нащупать» критерии, способные выступить в качестве диагностирующих признаков посткатакомбных культурных образований Предкавказья и Доно-Волго-Уральского региона. Этому способствовало выделение обрядовых групп, скрупулезный анализ состава жертвоприношений животных, отдельных категорий инвентаря и пр. По всей видимости, дальнейшее накопление источников позволит немного расширить список культуuroобразующих признаков, но вряд ли порядок цифр существенно изменится. Видимо, для многих специалистов еще некоторое время вычленение, например, комплексов волго-донской бабинской культуры в глубинных районах ареала волго-уральской культурной группы будет представлять определенные трудности. Но это закономерный процесс. Нужно время, чтобы новое знание укоренилось в сознании представителей научного сообщества...

Хотелось бы отметить еще один момент. Речь идет о чрезвычайно дробной периодизации посткатакомбных культурных образований на рассматриваемой территории, в развитии которых автор выделяет до трех этапов. Данные сюжеты присутствуют в заключительных параграфах глав 2-5, а также развернуто даны в следующей главе 6, целиком посвященной определению хронологических рамок, линий синхронизации блока посткатакомбных культур.

Аргументы в пользу внесения столь тонких хронологических градаций, приведенные Р. А. Мимоходом вполне убедительны. Ему действительно удалось, в том числе на основании стратиграфических данных и анализа радиоуглеродных дат, уловить основные тенденции в эволюции посткатакомбных древностей. Но сомнения вызывает возможность реального использования предлагаемой периодизационной схемы при анализе конкретного археологического материала. Мой скепсис основан, прежде всего, на скоротечности существования этих культурных явлений.

Даже для такой протяженной во времени культуры, как ямная, просуществовавшей около 1000 лет, надежно обоснованы только два этапа

(ранний и поздний), хотя попытки более дробной периодизации предпринимались неоднократно, в том числе с использованием серий радиоуглеродных датировок. А в нашем случае речь идет о периоде протяженностью не более 400 лет с 2200 по 1800 гг. до н. э. Вероятно, некоторые сомнения остаются и у самого автора, поскольку он практически не дифференцирует в хронологическом отношении ранние комплексы, фактически объединяя фазы ПКБ-I и ПКБ-II в рамках хроноинтервала 2200-2000 CalBC, а фазе ПКБ-III отводит следующие 200 лет 2000-1800 CalBC. С учетом ограниченных возможностей самого метода радиоуглеродного датирования, не позволяющего отобразить дробную хронологию, видимо, дальнейшие исследования вполне могут привести к отказу от хронологического размежевания памятников периодов ПКБ-I и ПКБ-II, поскольку их различия достаточно аморфно представлены в археологическом материале, а практика сплошного прямого радиоуглеродного датирования, тем более с использованием ускорительных AMS-технологий, видимо, очень скоро станет рутинной в отечественной археологии.

Заключительная седьмая глава диссертации Р. А. Мимохода представляет собой масштабное полотно реконструируемых автором историко-культурных процессов, протекавших в конце эпохи средней – начале поздней бронзы на обширных пространствах южной части Восточной Европы. Выделение и развернутая характеристика посткатакомбного блока культур в целом и культурных кругов Бабино и Лола являются выдающимся научным достижением автора диссертации. При этом, если в ходе оформления концепции культурного круга Бабино, автор лишь дополнил перечень составлявших его культур (днепро-донская и днепро-прутская бабинские культуры), выделенных первоначально Р. А. Литвиненко, волго-донской бабинской культурой, то культурный круг Лола, куда вошли выделенные самим Р. А. Мимоходом лолинская, невинномысская культуры и волго-уральская культурная группа, всецело является эксклюзивным научным открытием самого диссертанта. Автором убедительно продемонстрированы как общие, так и дифференцирующие черты в обряде и

инвентаре обоих культурных кругов в рамках посткатакомбного мира. Это великолепный образец систематизации зачастую малоинформативных, на первый взгляд, археологических источников, позволившей автору в последующих параграфах выйти на уровень масштабных историко-культурных реконструкций.

Важную роль в воссоздании механизмов культурных трансформаций конца СБВ в концепции автора диссертации играет разработка проблема миграций различной направленности и протяженности, вызванных, по его мнению, природно-климатическими флюктуациями (резкой аридизацией). Вполне убедительно Роман Алексеевич показал кавказский миграционный импульс, сыгравший определяющую роль в формировании невинномысской и лолинской культур, а также деривата последней – волго-уральской культурной группы. Примечательно, что археологические аргументы хорошо коррелируются с данными палеоантропологии. Не менее убедительны и выводы относительно роли европейских миграций в оформлении культурного круга Бабино.

Отдельно следует сказать о сюжете, посвященном средневожской абашевской культуре (гл. 7, § 3.3). Автором предпринята чрезвычайно смелая попытка связать генезис средневожской абашевской культуры с дальнедистанционной миграцией центральноевропейских групп культуры колоколовидных кубков и локальных культур периода Vz A1 карпато-дунайского региона в Восточную Европу. Конечно, на пути дальнейшей разработки данной революционной гипотезы, снимающей многие сомнения и противоречия относительно механизмов формирования Волго-Уральского очага культурогенеза ПБВ (по В. С. Бочкареву), в частности, палеогенетического профиля носителей синташтинской культуры, сделан лишь первый шаг. Но дорогу осилит идущий... Это очень интересное и перспективное направление дальнейших исследований, и автор диссертации вновь выступает в качестве пионера в выработке новых нетривиальных подходов к решению давно дискутируемой проблемы.

Особняком в диссертационном исследовании стоит вопрос о металлопроизводстве в конце III – начале II тыс. до н. э., которому посвящен самостоятельный § 4 главы 7. В этом разделе автором предпринята попытка не только дать характеристику металла посткатакомбных культурных образований, в том числе с учетом результатов геохимических анализов состава металлических изделий, но и раскрыть механизмы смены эпох в культурном пространстве юга Восточной Европы. Р. А. Мимоход констатирует, что морфологические характеристики и химический состав металлических изделий посткатакомбных культур соответствует стандартам поздней фазы Циркумпонтийской металлургической провинции. На ранних стадиях металлообработка демонстрировала тотальную зависимость от сырьевых ресурсов кавказских очагов металлопроизводства и вовлеченность в орбиту их функционирования. Позже при переходе от СБВ к ПБВ южное (кавказское) влияние начинает сочетаться с восточным (поволжско-зауральским).

Принципиальная схема такого рода изменений в металлопроизводственной сфере на восточном фланге посткатакомбного мира не вызывает особых возражений. Но этот сюжет требует дальнейшего развития. Перспективным направлением может стать, в частности, реализация масштабной программы проведения высокоточных археометрических анализов с целью реконструкции технологических алгоритмов металлургического передела, определения источников металла на основе изучения микроэлементного и изотопного состава, определения направлений трафика меди и легирующих компонентов для бронзолитейного производства. Пока эти вопросы проработаны недостаточно. Хотя нужно признать, что они носят в диссертации факультативный характер, а археометаллургическое направление может стать темой самостоятельного исследования.

Значительное место в диссертационном сочинении Р. А. Мимохода отведено проблеме военных конфликтов в посткатакомбном мире. Детальное рассмотрение данного вопроса имеет принципиальное значение при

обсуждении проблем миграций, в ходе которых такого рода столкновения неизбежны. Представляется, что автору удалось достаточно убедительно показать имеющиеся на сегодняшний день свидетельства таких конфликтов в посткатакомбном мире, а также раскрыть причины их возникновения либо отсутствия на разных стадиях формирования и развития посткатакомбных культурных образований.

И, наконец, заключительный § 6 главы 7 посвящен определению роли посткатакомбных культурных образований юга Восточной Европы в культурировании ПБВ. Автор приводит весомые аргументы в пользу участия носителей посткатакомбных культурных традиций наряду с абашевской культурой и некоторыми эписнуровыми культурами Восточной Европы в формировании Волго-Уральского очага культурирования и культурных образований начальной поры ПБВ, которым они непосредственно предшествовали. Мало сомнений в том, что доказательств в пользу такой реконструкции механизмов культурирования эпохи поздней бронзы Восточной Европы и Урало-Казахстанского региона со временем появится еще больше.

Необходимо указать, что особенностью представленной к защите работы является пространное заключение. Автором подводятся основные итоги исследования и намечаются перспективы дальнейшей разработки некоторых направлений. Причем сделано это с присущей Роману Алексеевичу основательностью и четкостью формулировок.

В заключение хотелось бы отметить, что все содержащиеся в тексте диссертации положения и выводы легко верифицируются, поскольку вся исходная информация представлена в многочисленных и качественных приложениях. Помимо разнообразных таблиц, особо следует отметить многочисленные карты, ставшие в диссертационной работе настоящим исследовательским инструментом, а также весьма информативные таблицы иллюстраций, содержащие всю фактическую базу данных по обряду и инвентарю, стратиграфическому положению комплексов и пр.

Завершая отзыв, хотелось бы отметить, что высказанные замечания не умоляют достоинств работы. Напротив, они носят дискуссионный характер,

подчеркивают ее научную значимость и могут быть учтены при подготовке к монографическому изданию, которое способно стать заметным событием не только в отечественной, но и мировой науке. Диссертация Р. А. Мимохода является актуальным, завершенным, оригинальным исследованием, выполненным на высоком методическом и научном уровне. Автором продемонстрирована широкая научная эрудиция, профессиональное владение различными методами исследования. Все поставленные исследовательские задачи успешно решены, цель достигнута, изложенные в диссертации выводы убедительны. Текст автореферата соответствует содержанию диссертации.

По всем параметрам представленная диссертация отвечает требованиям, предъявляемым к работам такого рода, а ее автор Роман Алексеевич Мимоход заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.3 – археология.

Ткачев Виталий Васильевич

старший научный сотрудник отдела степеведения
и природопользования Института степи Оренбургского
федерального исследовательского центра Уральского
отделения Российской академии наук,
кандидат исторических наук, доцент

 - В. В. Ткачев

20 апреля 2023 года

460000, Россия, г. Оренбург, ул. Пионерская, 11

Институт степи УрО РАН

Телефон/факс: (3532) 774432, 776247

<http://www.orensteppe.org>

E-mail: orensteppe@mail.ru

Подпись В.В. Ткачев
специалист по персоналу
20.04.2023

Ю.В. Волкова